ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

Научная статья

Исторические науки

УДК 94(4/9)

<https://doi.org/10.52883/2619-0214-2021-4-3-289-303>

ОБСЕРВАТОРИЯ ЭНГЕЛЬГАРДТА В ЖИЗНИ Д.Я. МАРТЫНОВА – ВЗГЛЯД ИЗ ГАИШ

И.В. Кузнецова

irinakuznetsova-64@mail.ru

Государственный астрономический институт имени П.К. Штернберга
г. Москва, Россия

Аннотация. *Страсть Дмитрия Яковлевича Мартынова к астрономии проявилась ещё до поступления в университет. Причастность во время учёбы к ведущим астрономическим школам в Казани и в Ленинграде, открытость новым научным идеям, а также 23-летний опыт руководства Энгельгардтовской обсерваторией, укрепивший ее позиции в научном астрономическом сообществе за это время, сделали из него блестящего учёного, педагога и организатора науки. Приобретённые навыки и уникальные черты характера, талант учёного и лидерские качества позволили Д.Я. Мартынову после переезда в ГАИШ чётко понимать, что надо делать, чтобы институт достиг новых высот в науке, чтобы в нем возникли и остались на многие годы сильные «научные школы».*

Ключевые слова: астрономия, ОАЭ, ГАИШ, научная школа

Для цитирования: Кузнецова И.В. Обсерватория Энгельгардта в жизни Д.Я. Мартынова – взгляд из ГАИШ. *Наследие и современность.* 2021;4(3):317–331. <https://doi.org/10.52883/2619-0214-2021-4-3-289-303>.

Дмитрий Яковлевич Мартынов – видный советский учёный, биография которого тесно переплетена с историей Казанского университета и обсерваторией имени Энгельгардта, а также с историей Государственного астрономического института имени П.К. Штернберга.

Дмитрий Яковлевич Мартынов родился 7 апреля 1906 года в городе Темрюк в семье преподавателей. В 1922 году он приезжает в Симферополь поступать в университет. Свои первые два студенческих года учится в Крымском государственном университете имени М.В. Фрунзе на физико-математическом факультете и уже там знакомится со многими замечательными людьми. Среди профессоров – ректор, химик А.А. Байков, математик М.Л. Франк (отец двух сыновей: Глеба – в будущем академика и известного биофизика, и Ильи – лауреата Нобелевской премии по физике 1958 г.), А.Г. Гурвич, астроном Н.М. Ляпин и др. Среди студентов – это И.В. Курчатов

и К.Д. Синельников, ставшие потом крупнейшими физиками нашей страны, Н.И. Чижевский и товарищ по увлечению астрономией Е.Я. Перепелкин, в будущем репрессированный в Пулковской обсерватории.

По собственному выражению студента Мартынова, он уже тогда начал «не в шутку работать по астрономии» [1] под руководством Н.М. Ляпина, воспитанника Пулковской обсерватории. А самое первое знакомство с астрономией произошло, когда Дмитрию было 13 лет, в маленьком городке Орехов (ныне Запорожская область на Украине) по 4-томному сочинению *F. Arago "L'astronomie populaire"*, написанному в 40-х годах девятнадцатого века (правда, читал он ее в русском издании 1861 г. – Ф. Араго «Общепонятная астрономия»).

По воспоминаниям студента Мартынова, профессору Н.М. Ляпину в университете достался приличный астрономический кабинет, созданный его предшественником профессором Л. Струве, перебравшимся из Харькова в Симферополь в 1918 году, но скоропостижно скончавшимся на одном из заседаний университетского совета. Три телескопа лежали без дела, ожидая наблюдателей. Кроме того, в астрономическом кабинете была хорошая, правда для XIX столетия, библиотека. Самыми изучаемыми книгами были написанные на французском *A. Secchi, "Le Soleil"* (1877), *C. Flammarion "La planete Mars"*, I и II тома (1901). Была и французская брошюра о первых измерениях диаметров звёзд Майкельсоном и Пизом (1919), – как «молния нового знания»¹ для жаждущих студентов.

В 1923 году, наконец, появилась реальная возможность проводить астрономические наблюдения. Благодаря помощи отца Жени Перепелкина, который занимал в то время пост председателя Крымского Госплана, удалось построить небольшую башню (4,4 м) с вращающимся куполом, где был установлен 110-мм апохромат Цейса с протуберанц-спектроскопом. Тут же начались регулярные наблюдения: днем протуберанцев Солнца, ночью – переменных звёзд. Готовясь к предстоящему великому противостоянию Марса, уже с июля начали и его наблюдения, а попутно отнаблюдали полное лунное затмение 14 августа 1924 года, отчёт о котором был опубликован Мартыновым в 223 томе *Astronomische Nachrichten* в виде заметки на французском языке [2]. Эту печатную работу можно считать официальным началом научной деятельности Д.Я. Мартынова.

Студенчество Симферопольского университета в то время не было пролетарским, это были дети интеллигентов, дети бывших фабрикантов и торговцев, нэпманские элементы, были и партийная и комсомольская ячейки, но их влияние в те годы в университете было слабым, а настоящая агитация советской властью осуществлялась за счёт наглядного восстановления городского и народного хозяйства, прихо-

¹ Все цитаты Д.Я. Мартынова, приведённые без указания номеров ссылок, взяты из первого тома его автобиографии [1].

дующим продовольственным изобилием после тотального голода 1921–1923 гг. в Крыму, и многим другим, что убеждало, что страна стоит на правильном пути.

Идеологическое воспитание в университете проводилось на очень высоком уровне, профессор П.И. Новицкий, по воспоминаниям Мартынова, читая курсы по общественным дисциплинам, был настолько убедительным, что добивался того, чтобы его не только все слушали, но и «чтобы с ним все слушатели соглашались». «Мировые загадки» Геккеля, «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина, – вот те книги, которые, по словам Мартынова, внесли самое главное «в [его] сознание и мироощущение». «Привилегия семнадцатилетнего возраста» позволяла жить, «не чувствуя усталости». «Ходили на лекции свои и чужие, работали в лабораториях, клиниках, анатомическом театре, обсерватории, посещали лекции в клубе, жарко дискутировали на собраниях и просто так, а поздно вечером провожали девушку-студентку домой из клуба или театра...», а также, «...почти в тот же вечер или завтра наутро обрабатывали дома записанные начерно лекции, чтобы сдать предмет на другой день...».

В октябре 1924 года Симферопольский университет, как не влившийся в реформы образования, был расформирован. Идеей реформы, касавшейся физико-математических факультетов всех университетов, было «сближение преподавания с требованиями практической жизни, отойти подальше от голой теории». Инициатором реформы выступил Отто Юльевич Шмидт (1891–1956), российский математик, экономист, астроном, геофизик, полярный исследователь, государственный и общественный деятель. Проведение этой реформы затрагивало много сторон жизни физмат факультета, вплоть до участия студентов в сельхозработах во время летних триместров и их практической работы на фабриках и заводах.

После расформирования Симферопольского университета в 1925 году на его базе был создан Крымский государственный педагогический институт. Годы существования университета (1918–1925) были одновременно годами жизни и деятельности целой плеяды выдающихся учёных. Сегодня мы гордимся многими из профессоров этого вуза: академики В.И. Вернадский, В.А. Обручев, А.А. Байков, П.П. Сушкин, В.И. и А.В. Палладины, В.И. Смирнов, Н.М. Крылов, А.Ф. Иоффе, И.Е. Тамм, Б.Д. Греков, Е.П. Павловский, некоторые из них уже упоминались выше.

Следствием начавшейся реформы был переезд в Казань значительной части студентов физмата и естественного отделения Крымского университета. И уже в октябре 1924 года студенты приступают к учёбе в Казанском государственном университете. Среди них и Дмитрий Мартынов, с огромным интересом к наукам и особенно астрономии, и уже небольшой практикой астронома-наблюдателя, и некоторым багажом общественной работы, куда вошла даже поездка в Москву для встречи

с М.В. Фрунзе и А.В. Луначарским по ходатайству от Симферопольского студенчества о сохранении родного университета. Поездка, правда, сохранению университета не поспособствовала.

Летом следующего, 1925 года, Крым «все не отпускал молодых астрономов», и Мартынов с Перепёлкиным и другими друзьями предприняли пеший поход из Симферополя в Симеиз, чтобы увидеть прославленную обсерваторию и только что полученный ею метровый телескоп. Молодые люди были приняты с подлинным гостеприимством как коллеги астрономы. Больше всего им запомнился Г.А. Шайн своей «внимательностью, доброжелательством, готовностью «на равных» ответить на любой вопрос». Шайн в то время вёл исследование метрового зеркала методом Гартмана и мог объяснить студентам, как это делается. Эта встреча во многом определила отношение самого Мартынова к своим будущим ученикам, заставила его задуматься о роли учителя и о взаимоотношениях учителя и учеников в науке и в жизни.

В истории Казанского университета астрономия всегда занимала прочное место. Строительством городской астрономической обсерватории, занимались Н.И. Лобачевский и его товарищ И.М. Симонов – каждый в роли учёного, а затем ректора. На смену Симонову пришёл М.А. Ковальский – один из крупнейших астрономов XIX столетия. После смерти М.А. Ковальского в 1884 г. в Казани директором обсерватории стал Д.И. Дубяго, что явилось поворотной эпохой в деятельности Казанской обсерватории. Огромной его заслугой было строительство загородной астрономической обсерватории. Это стало возможным благодаря тому, что В.П. Энгельгардт, известный деятель русской культуры и науки и близкий друг Д.И. Дубяго, пожертвовал для неё инструменты своей частной обсерватории в Дрездене, когда по болезни вести наблюдения ему стало затруднительно. В дар Казанскому университету были переданы: 12-дюймовый экваториал Грэмба, 6-дюймовый экват-кометоискатель, 4-дюймовый малый кометоискатель, пассажный инструмент Бамберга, универсальный инструмент Френеля, часы Кноблиха и часы Тиде.

Новая обсерватория открылась в сентябре 1901 года, называлась она сначала Энгельгардтовской императорской обсерваторией Казанского университета, позже – Астрономической обсерваторией имени В.П. Энгельгардта (кратко АОЭ).

Д.И. Дубяго заложил направления традиционных для казанской астрономии научных исследований и воспитал достойную смену. После смерти Д.И. Дубяго в 1918 году в тяжёлых условиях гражданской войны и разрухи кафедра астрономии Казанского университета продолжала свою деятельность. Даже в этих условиях на кафедре стремились сохранить научные позиции, кадры и оборудование. В 1918 году вычислителем в штат обсерватории был принят сын Д.И. Дубяго –

Александр Дмитриевич, совмещавший работу с учёбой. Событием в жизни кафедры было открытие им двух комет: в 1921 и 1923 годах.

В такую звёздную среду и попадает Мартынов в октябре 1924 года, когда прибывает из Симферополя с рекомендательным письмом к профессору Михаилу Аврамиевичу Грачеву, директору Энгельгардтовской обсерватории. Встреча состоялась в городской обсерватории, директором которой был Владимир Андреевич Баранов. Здесь же находился и Авенир Александрович Яковкин астроном-наблюдатель Энгельгардтовской обсерватории. Кроме них там был и молодой человек, который оказался сыном Д.И. Дубяго, Александром. С этими тремя астрономами, более чем на двадцать лет оказалась связана научная деятельность и судьба Д.Я. Мартынова.

Самым близким по возрасту оказался А.Д. Дубяго, что способствовало как дружбе, так и некоторому соперничеству в науке. По словам Дмитрия Яковлевича, общение с Александром дало ему очень многое. Будучи студентом, Дубяго-младший состоял вычислителем городской обсерватории, после окончания университета он стал ассистентом, а должность вычислителя досталась Мартынову. Александр Дмитриевич Дубяго (1903–1959) очень рано начал заниматься астрономией. В возрасте 12–13 лет он уже наблюдал переменные звезды, а в 14 лет одним из первых заметил Новую в созвездии Орла. Будучи студентом, приобрёл известность, открыв две кометы, получившие его имя (в музее Казанского университета хранится медаль, вручённая ему за их открытие). В возрасте 23–24 лет он уже был выдающимся вычислителем и знатоком теоретической астрономии. Тома Баушингера и Оппольцера были знакомы ему до мелочей.

Дубяго был не только теоретиком. Он наблюдал на пассажном инструменте, вёл службу времени, заключающуюся в еженедельном сравнении полудюжины хронометров с основными часами Рифлера, наблюдал на рефракторе Мерца малые планеты и кометы, а на кометоискателе – переменные звезды. С 1924 года ассистент Дубяго и студент Мартынов впервые в Казани вели систематические наблюдения переменных звёзд. Представитель Казанской школы теоретической астрономии и небесной механики, А.Д. Дубяго положил начало кометной астрономии. Большой интерес представляли его наблюдения над движением периодической кометы Брукса, разработка механической теории фигуры Луны, наблюдения переменных звёзд. Его фундаментальный учебник «Определение орбит» издан в США. В дальнейшем А.Д. Дубяго вырос в крупнейшего учёного и основоположника школы кометной астрономии.

В своих воспоминаниях [1] тогда уже директор ГАИШ Д.Я. Мартынов приводит свои юношеские рассуждения о том, что такое научная школа, что необходимо, чтобы остались не только ученики,

но и направление исследований, объединённое тем, что называется «Научной Школой». Он пишет: «То, что для создания школы нужен выдающийся учёный – несомненно, но этого недостаточно. Нужно, чтобы у учителя было несколько учеников, которые общались бы друг с другом больше, чем с учителем, но все получали бы зарядку от учителя в форме поставленной задачи, или вопреки, или вопроса при обсуждении, или даже намёка, что следовало бы делать... Чтобы ученики помогали учителю в лаборатории или на семинаре (для теоретиков), и чтобы учитель искал эту помощь».

По мнению Мартынова, необходимы два условия: «талант учителя и многочисленность учеников, чья талантливость само собой подразумевается», и особенно важным является «широкое идейное влияние». Преподававших ему учёных Д.Я. Мартынов называет выдающимися представителями разных наук, но и среди студентов в Казани, также как и в Симферополе, были те, кто стали известными учёными. Например, годом позже учились Л.В. Грошев и Е.К. Завойский, впоследствии видные советские физики. Знакомство с ними основывалось на работе в физмат кружке, где могли заниматься студенты с разных курсов.

В 1926 году формой окончания вуза была установлена дипломная работа. Именно в этом году обсерватория Энгельгардта становится частью жизни студента Мартынова. Летом, с разрешения А.А. Яковкина, он поселяется в обсерватории, где немного наблюдает и работает в библиотеке, изучая литературу о Марсе. Собственные наблюдения Марса и наблюдательные итоги великого противостояния 1924 года стали темой его дипломной работы. К этому времени, уже хорошо владея немецким и французским языками, дипломник Мартынов начинает приобщаться и к английскому языку. Библиотека в обсерватории была хорошая и, на что особенно обращает внимание Мартынов, к полкам был свободный доступ. По его словам, там была уютная и спокойная обстановка. Астрономы наблюдали, учили наблюдать девушек-вычислительниц, и сами занимались хозяйством. А по вечерам собирались у кого-нибудь, пели сами, слушали музыку, многие владели музыкальными инструментами. В Энгельгардтовской обсерватории М.В. Грачева играла на фортепиано, И.А. Дюков учился петь и пел потом на профессиональном уровне много лет, В.А. Баранов устраивал в городской обсерватории музыкальные вечера.

Работа шла хорошо, и в декабре 1926 года двадцатилетний Д.Я. Мартынов получает университетский диплом – событие особенно радостное для его родителей. В это время он уже работает в университете вычислителем городской астрономической обсерватории и преподаёт на курсах подготовки в вуз, а также готовится в аспирантуру. Ещё до окончания университета в зимние каникулы 1926 года Мартынов едет

в Ленинград, чтобы ознакомиться с «астрономической столицей мира» – Пулковской обсерваторией. Там давний товарищ по Симферопольскому университету Евгений Перепёлкин, уже аспирант Пулковской обсерватории, знакомит его с профессором С.К. Костинским. Интересно, когда в разговоре речь зашла о делении астрономов на астрометристов и астрофизиков, профессор очень живо, запротестовал против отнесения его к астрофизикам, сказав, что был астрометристом, когда по распоряжению Бредихина в 1820 году принял от Белопольского нормальный астрограф, и остался астрометристом. Пулковские астрономы, сто процентные астрометристы, в то время причисляли его к астрофизикам лишь потому, что он применял чуждый им фотографический метод. Это говорит о том, что в качестве «настоящей науки» астрометрия почиталась куда больше какой-то там «астрофизики».

Летом 1929 года Мартынов уже прочно входит в пулковский коллектив в качестве аспиранта, командированного для стажировки в лабораторию Сергея Константиновича Костинского, при «отнюдь не формальном руководстве» последнего. Костинскому в то время шёл уже седьмой десяток, но наблюдать на нормальном астрографе он продолжал, привлекая к этому своего ассистента А.Н. Дейча. Фотопластинки проявлялись им старым железным проявителем, а не родиналовым (фирмы *Agfa*), на который уже перешли другие астрономы, не поддаваясь на уговоры своего ассистента А.Н. Дейча сменить проявитель на современный. Не желал он и повернуть кассетную часть астрографа на $1,5^\circ$, чтобы ее стороны были ориентированы точно вдоль часового круга. «Так было поставлено в 90-е (XIX века), так пусть и остаётся!», – были его слова. Благодаря этому за 40 лет работы накопился превосходный по своей однородности материал, при обработке которого не находилось сомнительных эффектов, настолько хорошо была обеспечена повторяемость эксперимента.

Для молодого учёного эта стажировка и общение с пулковскими астрономами была важной не только из-за работы в лаборатории, но и для формирования собственного научного мировоззрения на примере наставников. Но не только работа, наблюдения и исследования имели значение в жизни молодых учёных того времени. Многие увлекались и музыкой, и поэзией, и искусством. Сам Дмитрий Яковлевич немного владел скрипкой, из поэзии предпочитал Пушкина и Брюсова, да и сам писал неплохие стихи. Вот его строки, написанные в аспирантуре на стажировке в Пулково, полные лиричности и даже грусти:

«...И чертит шестигранный карандаш
Задумчиво-неясный столбик строчек,
О том, что жизнь за радость не отдашь,
А радости достанется кусочек».

И как потом он вспоминает: «...стихи нас учили правильной речи и выпуклому сжатому изложению чувств и мыслей, обогащали наш словарь...».

После окончания Казанского государственного университета и аспирантуры в 1931 году, в возрасте 25 лет, вернувшись из Пулково уже зрелым специалистом и автором «доброй дюжины печатных работ», не проявивший дурного характера и имевший некоторый опыт работы с людьми, молодой, энергичный Мартынов соглашается стать директором Астрономической обсерватории имени В.П. Энгельгардта (АОЭ), будучи младшим ассистентом обсерватории и имея заманчивые предложения из Пулково и Кучино.

В 1929 году АОЭ переживала непростые времена. Однажды для сотрудников обсерватории у университета даже не оказалось зарплат, тогда, по предложению директора городской обсерватории В.А. Баранова, его сотрудники поделились своим заработком с коллегами. Не все было благополучно и в организации ее работы. Первые два года директорства стали для Мартынова временем «беспросветной борьбы за существование» обсерватории. По словам Мартынова, «необходимо было внести в ее научную жизнь то новое, что могло быть осуществлено в обсерватории с ее оборудованием». В это время из Казани был перенесён 6-дюймовый кометоискатель для исследования переменных звёзд и приспособление протуберанц-спектроскопа к наблюдениям солнечной хромосферы. Были организованы систематические семинары для повышения квалификации сотрудников, включая кружки татарского языка и методологии науки.

Самостоятельного бюджета обсерватория не имела, денежное содержание от университета было крайне мало, не было ни службы эксплуатации, ни помощника по хозяйству, ни даже завхоза. Пришлось организовывать договорные работы, выручало и преподавание, но юридическое положение обсерватории оставалось шатким. При этом надо было находить время и на наблюдения, и на свою научную работу, и на научное руководство обсерваторией, и на «философское воспитание сотрудников». Большие трудности в организации финансово-экономической и научной деятельности требовали найти выход как можно скорее.

Благодаря решительности и дипломатическим способностям молодого руководителя, 29 октября 1931 года решением Совнаркома РСФСР АОЭ была включена в сеть научно-исследовательских учреждений Наркомпроса при Казанском университете со своим отдельным бюджетом и штатами. Этому предшествовала большая подготовительная работа молодого директора обсерватории в Москве: беседы с московскими астрономами, встречи с Р.В. Куницким – специалистом из Наркомпроса, подготовка ходатайств руководства университета. Именно тогда обсерватория стала носить имя В.П. Энгельгардта.

В конце 1932 года Д.Я. Мартынов был утверждён Наркомпросом в должности профессора АОЭ. Занятия Мартынова с сотрудниками методологией науки побудили к этому и других руководителей. Уже в 1932 году на Астрофизической конференции вопросы методологии стояли в виде самостоятельной секции, по ним была составлена и принята отдельная резолюция. В это время, помимо гравиметрических работ, проходивших под эгидой Астрономо-геодезического общества, основными видами деятельности АОЭ стали измерения звёзд на меридианном круге и наблюдения и теоретические исследования переменных звезды (особенно затменных). Первую из указанных тем возглавил И.А. Дюков, вторую – Д.Я. Мартынов.

Нужно отметить, что в научных группах не было узкой специализации, в наблюдениях. Дюкову помогал В.А. Крат и Л.Д. Агафонова, Мартынов сотрудничал с Н.И. Чудовичевым, тем же Кратом и Корытниковым. И.В. Белькович обучал наблюдать на гелиографе А.А. Яковкина, и тот уже вскоре мог вести наблюдения физической либрации Луны самостоятельно. Это раскрывает механизм организации работы, который дает несомненные успехи: взаимопомощь и поддержка в научном коллективе, широта научных интересов и компетенций группы.

Шероховатости обычных человеческих отношений, неизбежно возникающие при работе людей с различными характерами, должны оставаться за скобками служебных и научных интересов. Кроме того, особо талантливые ученики, проявляющие яркие способности, мыслящие самостоятельно и умеющие ставить научные задачи, уже тогда имели в лице руководителя Мартынова особую заботу, касающуюся даже материального обеспечения. Успех такого подхода доказывает блестящая защита В.А. Крата, аспиранта Мартынова.

Он успешно занимается теорией затменных переменных. Тенденция специализировать астрофизиков обсерватории в области переменных звёзд получает в АОЭ всестороннюю поддержку. В.А. Крат исследовал взаимодействие тесных двойных звёзд с позиции фигур равновесия и эволюции звёзд, это был новый для Казани подход. Его диссертация «Проблемы равновесия тесных двойных звёзд» заслужила такое одобрение, что ВАК присудил ему степень доктора наук в 1938 году, минуя кандидатскую. Интересно, что его руководитель, Д.Я. Мартынов сам тогда ещё не был доктором наук. Позже В.А. Крат уезжает в Пулково, с 1966 по 1979 годы возглавляет Пулковскую обсерваторию, а в 1972 годы становится член-корреспондентом Академии наук.

В 1932 году по поручению Астрофизической конференции в Пулкове была начата большая работа по систематизации советских наблюдений затменных переменных звёзд, которая привела к составлению библиографического каталога (авторы Д.Я. Мартынов, В.А. Крат, С.Н. Корытников), известного как своей библиографической

полнотой, так и тщательностью выполнения. Составленный каталог послужил основой для выпущенной «Программы наблюдений и исследований затменных переменных» (Д.Я. Мартынов) и стимулировал ряд специальных исследований отдельных переменных звёзд, произведённых в обсерватории.

В мае 1935 года в АОЭ проходит V конференция «переменщиков». По воспоминаниям директора обсерватории, эта конференция была самой молодой, средний возраст ее участников составлял 28 лет. На фотографии, запечатлевшей собрание, ее участники расположились в форме кривой блеска β Лиры (минимум был директор, лежа на траве, максимумом – М.С. Зверев, была даже «выскакивающая точка» – В.П. Никонов, стоявший на плечах Зверева). Здесь, на пятой конференции, и обрела реальность идея плана, предложенного московскими астрономами П.П. Паренаго и Б.В. Кукаркиным, по исследованию всех известных в ту пору, но не изученных переменных звезд, когда каждый наблюдатель выбирал бы себе одну или несколько площадок для наблюдения, сокращая время перехода от звезды к звезде. В честь этого события Новая Геркулеса, ослабевшая в апреле, снова стала «вещью в себе», которую можно было наблюдать с помощью 60 дюймового кометоискателя. К особым заслугам директора Мартынова середины 30-годов XX века можно отнести ещё и то, что в 1937–1938 годах в обсерватории Энгельгардта никто не пострадал от репрессий.

Можно отметить, что активность АОЭ в новых научных направлениях под руководством Мартынова настолько возросла, что к 1934 году было организовано новое издание – «Бюллетень АОЭ» – в дополнении к старым «Известиям АОЭ», где сначала печатались статьи по результатам астрофизических наблюдений, а затем стали публиковаться астрометрические и теоретические работы. В 1937 году, по выражению Мартынова, ему «удалось нащупать причину установленной Б.В. Кукаркиным и П.П. Паренаго зависимости между периодом и спектром звёзд W UMa и расширить своё истолкование на все тесные двойные звезды». Им было показано, что для каждого спектрального класса существует нижний предел периода двойной системы, определяемый сближением компонент до контакта. Эта работа оказалась первым шагом в новом подходе к тесным двойным системам – и зародышем новой научной школы ТДС.

Ещё до Первой мировой войны директора Энгельгардтовской обсерватории мечтали о постройке большого сейсмического подвала для установки там горизонтальных маятников, но осуществить это удалось только Д.Я. Мартынову. Этот подвал, в виде 11-метровой шахты, проектировал инженер С.Я. Назаров из Москвы, а здание лаборатории, гармонично вписанное в ансамбль обсерватории, кто-то, чьё имя затерялось в истории. Подвал получился превосходный, но так и не был принят строительной комиссией даже к моменту работы над книгой

воспоминаний [1], т.е. в 1970-е годы (по словам Ю.Д. Буланже, к тому времени профессора МИИГАиК).

В 1938 году без защиты диссертации Мартынову присваивается учёная степень кандидата наук, а в 1939 году в КГУ открывается кафедра астрофизики, заведующим которой он становится. По его инициативе университет и Государственный оптический институт изготовляют 15-дюймовый телескоп системы Шмидта, с помощью которого к лету 1941 года были получены первые фотографии звёздного неба. После нескольких конференций по переменным звёздам Д.Я. Мартынов, совместно с Б.В. Кукаркиным, П.П. Паренаго и В.П. Цесевичем, инициировал написание первой в СССР трёхтомной монографии по переменным звездам, которая была издана в 1937–1947 гг. Под его же руководством АОЭ приняла на себя работу Бюро астрономических сообщений и издание «Астрономического циркуляра», главным редактором которого Мартынов был с 1941 по 1962 годы.

Во время войны АОЭ продолжает работать. В 1942 году, как вспоминает Мартынов, с докладом об образовании двойных звёзд перед казанскими астрономами захотел выступить Отто Юльевич Шмидт (инициатор реформ образования 20-х годов, благодаря которым Дмитрий Яковлевич и оказался студентом Казанского университета). В этот момент жизни он находился в опале. Его освобождение от должности единственного и главного вице-президента АН СССР было очень резким. В своих исследованиях того времени он обратился в одному из труднейших вопросов астрономии, не зная, что небесная механика уже показала невозможность захвата в задаче двух тел. О чем и сообщил на обсуждении доклада Д.Я. Мартынов, который сказал, «что может быть задача и будет решена, если рассматривать звезды не как точки, а как реальные протяжённые материальные тела, в которых могут проявлять себя вязкость материи и диссипация энергии». Присутствующий на этом совещании Я.И. Френкель присоединился к мнению Мартынова, остальные отмолчались.

Хочется отметить, что в отношении научных оппонентов, учеников, аспирантов, студентов, сотрудников, да и просто обычных людей, несмотря на различие во взглядах или статусе, Дмитрий Яковлевич Мартынов старался не проявлять неприязни и неуважения, что привлекало к нему людей и, возможно, помогало в жизни. Но также верно и то, что, невзирая на личные симпатии или сиюминутную выгоду, или высокий статус человека, с кем приходилось иметь дело по тому или иному вопросу, в принятии решений Мартынов руководствовался интересами дела в перспективе, которая зачастую не была очевидной и понятной его окружению.

В мае 1942 г. обсерваторию посещает новый вице-президент Академии наук А.Ф. Иоффе, который ставит вопрос о переходе АОЭ в систему Академии наук, но это предложение казанскими астрономами

во главе с директором было отклонено. Между тем, в сентябре, по предложению тех же астрономов, Академия наук в Казани проводит широкое совещание представителей всех астрономических учреждений. На этом совещании были представлены и научная, и организационная программы. В.А. Амбрацумян доложил о своих фундаментальных исследованиях по теории рассеяния света. Н.Н. Павлов рассказал об успехах фотоэлектрической регистрации прохождений звёзд. Интересным было и сообщение М.С. Зверева о деталях усовершенствований Службы времени в Свердловске. В.В. Шаронов и Н.Н. Сытинская отчитались о фотометрической картине солнечного затмения 1941 года – первая законченная работа по затмению.

Одно из заседаний провели в обсерватории Энгельгардта, где помимо докладов, было предложено и роскошное угощение – ржаной пирог с картофелем, о чем с большой теплотой вспоминали участники встречи ещё долгое время спустя. В это время здесь, на территории обсерватории живёт в эвакуации академик А.Н. Крылов, а также часто приезжают провести несколько дней П.Л. Капица, Н.Н. Семенов, Е.А. Чудаков и др. С особой симпатией вспоминает Мартынов П.Л. Капицу, которому было совершенно чуждо тщеславие. Именно ему принадлежат фразы: «И кто же учит своего учителя, как не его ученики?», «Каждый ученик, работающий в своей области, конечно, должен знать больше, чем знает в этой области его учитель» [3].

В том же 1942 году Дмитрий Яковлевич успешно защищает докторскую диссертацию по теме: «Периодические неравенства у затменных переменных звёзд». Задача решалась им с применением теории Лапласа о движения Луны к проблеме трёх тел для звёзд, причём Лаплас изучался им в подлиннике, в издании 1821 г. После блестящей защиты докторской Мартынов удостоивается звания Заслуженного деятеля науки Татарской АССР и записывает в своем дневнике: «кончил дело, начинай другое».

Для того, чтобы как-то пережить трудное голодное военное время, в АОЭ был разбит коллективный огород, сотрудникам приходилось обрабатывать землю, собирать урожай. На иждивении учёного находилось пять человек: жена, двое сыновей и родители. Несмотря на острую нехватку еды, оборудования и материалов Казанский университет и обсерватория Энгельгардта продолжают жить, работать и развиваться. Именно во время войны в Казанском университете Е.К. Завойский, бывший товарищ по студенческому кружку, открыл явление электронного парамагнитного резонанса, положившее начало целому новому направлению физической науки – радиоспектроскопии. Эта работа стала предметом докторской диссертации учёного и заслужила очень высокую оценку П.Л. Капицы, Н.Н. Семенова,

С.Н. Вавилова. По приглашению последнего в 1947 году Е.К. Завойский перешёл на работу в Академию наук в Москву.

После войны произошло ещё одно важное событие, изменившее баланс сил в научном мире в области изучения переменных звёзд. В марте 1946 года состоялась сессия исполкома МАС, на которой было принято предложение Кукаркина и Паренаго взять на себя (т.е. в ГАИШ и в Астросовете) функции обозначения новооткрываемых переменных звёзд и их каталогизацию, с одновременным освобождением от этой обязанности Бебельсбергской обсерватории в Германии.

Согласно отчёту Отто Людвиговича Струве, напечатанному в американском журнале *“Popular Astronomy”* в 1946 году, который цитирует Мартынов: «...было решено, что 27-я комиссия МАС будет ответственна за наименование переменных и за опубликование каждые пять лет полного каталога всех известных переменных с ежегодными дополнениями. Институт имени Штернберга в Москве будет подготавливать списки новых наименований звёзд и будет выполнять большую часть текущей работы при значительном участии подкомиссии комиссии № 27. Русская обсерватория имеет большой опыт и компетентный штат для этой работы. Имена Кукаркина, Паренаго, Мартынова хорошо известны в этой области. ...Не видно оснований ограничивать их в этом отношении...».

В 1951 году Д.Я. Мартынов назначается ректором Казанского государственного университета. В этой должности он работал до 1954 года, совмещая ее с руководством АОЭ. В этом же 1951 году в обсерватории Энгельгардта завершались хлопоты по проведению ее 50-летия. Празднование началось 26 мая торжественным заседанием учёного совета в актовом зале университета. На следующий день гости прибыли в обсерваторию, но не только осматривали ее и фотографировались, но работали сразу на двух конференциях: «X конференция исследователей переменных звёзд СССР» и «импровизированная» Астрометрическая конференция по тематике АОЭ.

В 1954 году Д.Я. Мартынов перешёл в МГУ на должность профессора кафедры астрофизики, в 1955 году становится заведующим этой кафедрой, а в 1956 году назначается директором Государственного астрономического института имени П.К. Штернберга МГУ. Научные интересы Дмитрия Яковлевича всегда были широки, но любимой темой, которую он пронёс через всю свою жизнь, были тесные двойные системы. Созданная им школа по физике ТДС существует в ГАИШ до сих пор, в 1996 году она была признана одной из ведущих научных школ России. Основные идеи, разработанные учёным, были «нашупаны» как раз во время работы директором АОЭ.

Важнейшая часть деятельности Д.Я. Мартынова связана с его работой в обсерватории Энгельгардта с 1931 по 1954 годы. Вторая часть жизни в науке принадлежит ГАИШ МГУ и была во многом определена работой и опытом казанского периода жизни. В результате деятельности именно Д.Я. Мартынова на посту директора, ГАИШ получил мировую известность и превратился в ведущее астрономическое учреждение. Д.Я. Мартынов был удостоен премии им. А.Ф. Бредихина АН СССР. Широкий кругозор, доброжелательный характер Д.Я. Мартынова и его постоянное общение с молодёжью привлекали многих студентов и аспирантов к научной работе под его руководством [4].

В 2012 году Издательством Московского университета была выпущена книга воспоминаний Д.Я. Мартынова, над которой он работал в конце 70-х годов XX столетия «Полвека у телескопа» [1]. В книге, которая является взглядом из ГАИШ, через призму времени дан срез развития и деятельности астрономического сообщества в преломлении к научной жизни Дмитрия Яковлевича Мартынова в ту эпоху, когда ГАИШ под его началом вышел на передние рубежи мировой науки. В издании книги принимали самое непосредственное участие его сотрудники, коллеги и ученики, присоединяясь к «взгляду из ГАИШ» замечательного человека, учёного и педагога.

В книге есть такие слова о 50-летнем юбилее ОАЭ: «Юбилей удался. Он показал казанским кругам научным и общественным, что Энгельгардтовская обсерватория – учреждение значительное, им следует дорожить...».

Литература

1. Мартынов Д.Я. Полвека у телескопа // М.: МГУ. 2012. 440 с.
2. Martinoff, D. Beobachtungen der totalen Mondfinsternis 1924 August 14 // Astronomische Nachrichten. 1924. V. 223.
3. Каница П.Л. Максимумы // Природа. 1994. №4. С. 79–90.
4. Черпащук А.М. Дмитрий Яковлевич Мартынов (к 100-летию со дня рождения) // В сборнике тезисов конференции “Тесные двойные звезды в современной астрофизике (Martynov-2006)”. М.: ГАИШ МГУ. 2006.

Original article

Historical sciences

<https://doi.org/10.52883/2619-0214-2021-4-3-289-303>

ENGELGARDT OBSERVATORY IN D.YA. MARTYNOV'S BIOGRAPHY A VIEW FROM SAI

I. Kuznetsova

Sternberg Astronomical Institute
Moscow, Russia

Abstract. D.Ya. Martynov's passion for astronomy manifested itself even before he began his studies at the University. During his studies he was involved to leading astronomical schools in Kazan, and in Leningrad. His openness to new scientific ideas and 23 years of leadership experience as the director of the Engelgardt Observatory, when its po-

sition was strengthened within scientific astronomical community, – all these made him a brilliant scientist, leader and organizer of science. This experience allowed D.Ya. Martynov, after moving to the SAI, to understand clearly, what was needed to be done for the institute to reach new heights in science, to give birth for strong “scientific schools”, that remain actual for many years.

Keywords: astronomy, EAO, SAI, Scientific School.

For citation: Kuznetsova I. Engelgardt observatory in D.Ya. Martynov's biography – a view from SAI. *Heritage and Modern Times*. 2021;4(3):317–331. <https://doi.org/10.52883/2619-0214-2021-4-3-289-303>

References

1. Marty`nov D.Ya. Polveka u teleskopa // M.: MGU. 2012. 440 s.
2. Martinoff, D. Beobachtungen der totalen Mondfinsternis 1924 August 14 // Astronomische Nachrichten. 1924. V. 223.
3. Kapicza P.L. Maksimy` // Priroda. 1994. №4. S. 79–90.
4. Cherepashhuk A.M. Dmitrij Yakovlevich Marty`nov (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya) // V sbornike tezisov konferencii “Tesny`e dvojny`e zvezdy` v sovremennoj astrofizike (Martynov-2006)”. M.: GAISH MGU. 2006.

Сведения об авторе

Кузнецова Ирина Витальевна, к. ф.-м. н., ведущий специалист Государственного астрономического института имени П.К. Штернберга, Москва, Россия.
E-mail: irinakuznetsova-64@mail.ru

Author of the publication

Irina Kuznetsova, PhD, Senior Specialist of the Sternberg Astronomical Institute, Moscow, Russia.
E-mail: irinakuznetsova-64@mail.ru

Дата поступления 05.09.2021